

Л.М. САДОВСКАЯ. ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ
В АФРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.
(НА ПРИМЕРЕ СЕНЕГАЛА И КОТ-Д'ИВУАРА)
М.: Институт Африки РАН, 2017, 152 с.

© 2018

Т. С. ДЕНИСОВА

DOI: 10.7868/S0869190818010235

Проблема взаимоотношений между правителями и их оппонентами, властью и оппозицией издавна привлекала внимание исследователей – историков и политологов. Достаточно вспомнить таких античных мыслителей, как Плутарх, Перикл, Геродот и Демокрит, Платон, Аристотель, Сократ, Цицерон, восточных Конфуция и Заратустру, представителя эпохи Возрождения Никколо Макиавелли (без цитирования трудов которого невозможно представить себе ни одну современную работу на заявленную тему), чтобы осознать степень важности изучения коллизии “власть–оппозиция” для понимания процессов, происходивших на протяжении всей истории человечества. В наше время – в эпоху “оранжевых революций” и “арабской весны” – изучение проблемы взаимодействия между управляющими и управляемыми приобретает особое значение.

Рецензируемая монография посвящена одному из важнейших вопросов современной африканистики – эволюции взаимоотношений между центральной властью и оппозиционными политиками, политическими движениями, общественными организациями, в том числе профсоюзами, студенческими и деловыми ассоциациями, в двух крупных франкофонных государствах Западной Африки – Сенегале и Кот-д’Ивуаре. Несомненным достоинством работы является глубокий анализ отечественных и зарубежных трудов по данной и сходной тематике, обобщение результатов предыдущих исследований.

В фокусе внимания Л. М. Садовской – политическое развитие указанных стран после ухода в 1980 г. из большой политики первого президента независимого Сенегала Леопольда Седара Сенгора и смерти в 1993 г. первого президента суверенного Кот-д’Ивуара Феликса Уфуэ-Буаьи. В годы их правления, т.е. примерно в 1960–1980-е, как отмечает автор, «существовавшие (в Африке. – Т.Д.) авторитарные (можно было бы добавить “однопартийные”. – Т.Д.) режимы, возглавлявшиеся в большинстве своем яркими харизматическими лидерами, которые внесли большой вклад в дело национального освобождения своих стран от колониального гнета, всецело вписывались в политический ландшафт того времени» (с. 5). Но уже в 1990-е гг. подъем оппозиционной деятельности привел к ослаблению правящих режимов и вынудил политических лидеров сделать первые шаги по пути демократизации, которые, впрочем, были в основном сведены к проведению президентских и парламентских выборов с фальсифицированными результатами.

Автор выделяет несколько групп факторов, обусловивших рост протестных движений и активизацию оппозиции: ухудшение социально-экономического положения больших групп населения и соответственно недовольство граждан политикой правительства; внедрение разработанных международными финансовыми институтами непопулярных планов структурной перестройки экономики; уход с политической сцены харизматических политических лидеров и др. Верным представляется утверждение Л. М. Садовской, что, хотя политическая оппозиция “в большинстве стран не представляет собой сплоченную, организованную силу... некоторые политические реформы принимаются в том числе благодаря ее действиям” (с. 7). В то же время, как справедливо утверждает автор, отношения между властью и оппозицией, как правило, имеют “конфронтационный характер и даже, как в случае с Кот-д’Ивуаром, привели к гражданской войне” в начале 2000-х гг. (с. 9).

Достоинством книги являются вставки, в которых даются биографические сведения о лидерах Сенегала и Кот-д’Ивуара.

Вместе с тем в работе наблюдается частое нарушение причинно-следственных связей и логики, что приводит к непониманию отдельных положений работы. Например, протестные настроения,

по мнению автора, “провоцировались”, среди прочего, “появлением предпосылок демократизации африканского общества” и “ослаблением... однопартийных режимов, стимулировавшим африканские страны к многопартийности, расширению масштабов деятельности самостоятельных политических группировок и разного рода оппозиционных течений” (с. 6). Представляется, однако, что именно активизация оппозиции приводит к “ослаблению однопартийных режимов”.

В тексте “Введения” начало “ослабления однопартийных режимов” автором датируется “80-ми гг. XX в.”, когда “происходит трансформация африканского общества” (с. 5), но уже § 1 “Властные структуры и политическая оппозиция в период пребывания у власти А. Диуфа (1981–2000)” первой главы “Эволюция политической системы Сенегала: власть и оппозиция (конец XX – начало XXI в.)” начинается с сообщения о том, что «политическая система Сенегала отличалась от других стран Африки (кстати, не совсем понятно, как “система” может отличаться от “стран”. – *Т.Д.*) тем, что еще в 1960-е гг. там была провозглашена многопартийность».

Автор, правда, отмечает, что оппозиционные партии “были поставлены властями в такие условия, что их активная деятельность в парламенте и вне его стала практически невозможной” (с. 13). Так-то оно так, но раньше, на с. 5, указывалось, что в “60–70-е гг. прошлого столетия мало что было слышно об оппозиции на Африканском континенте, тем более о ее выступлениях против существующих режимов, а на с. 13 говорится, что “в тот период (видимо, имеется в виду середина 1970-х гг., поскольку в начале абзаца указывается 1976 год. – *Т.Д.*) многопартийность была подтверждена существованием четырех политических партий, представлявших четыре идеологических направления...”. Однако автор почему-то не указывает, что одним из толчков к введению многопартийности послужили студенческие волнения, т.е. “выступления оппозиции”, в первой половине 1970-х гг. и что тот период характеризовался острыми межфракционными противоречиями внутри правящей Социалистической партии Сенегала (СПС) и между СПС и оппозиционными партиями, например Национально-демократическим союзом (НДС). Именно активизация оппозиции побудила Сенгора к введению многопартийной системы – чтобы избежать усиления латентной политики.

Далее автор делает сомнительный вывод о том, что “поколение харизматиков, а первый президент (Л. С. Сенгор. – *Т.Д.*), безусловно, обладал всеми чертами харизматического лидера, постепенно уступает место более прагматичным политикам, которые могли бы не только идейно объединять народ, но и предложить реальную программу социально-экономического развития страны” (с. 13). Л. М. Садовская говорит о целом “поколении харизматиков”, а не об одном Сенгоре, поэтому сразу хочется ей возразить: во-первых, в способности к формированию социально-экономических программ в этой фразе отказывается таким харизматическим лидерам, как Кваме Нкрума (первый президент Ганы), Дж. Ньерере (первый президент Танзании) и др. А ведь Пятилетний (1957–1961) и Семилетний (1961–1966) планы экономического развития, сформулированные Нкрумой, как и политика “аграрного социализма” и программа “уджамаа” (создания крупных сельскохозяйственных объединений) Ньерере, до сих пор пристально изучаются экономистами. Во-вторых, если, по мысли автора, к “поколению” относится также Уфуэ-Буањи, то придется признать, что современники почти полностью отказывали первому ивуарийскому президенту – жесткому прагматику – в харизме. В-третьих, “идейно объединить народ”, может быть, только Ньерере и удалось, да и то с известной натяжкой. И уж точно этого не удалось сделать ни Сенгору, ни Уфуэ-Буањи.

В монографии встречаются многочисленные противоречия. Так, на с. 26 автор указывает, что А. Вад (президент Сенегала в 2000–2012 гг.), сменивший на посту главы государства А. Диуфа (1980–2000), в годы правления последнего “участвовал в различных правительствах” и потому еще при правлении своего предшественника «испортил» свой имидж перед оппозицией и той частью населения, которая была недовольна политикой А. Диуфа...». На с. 29, в свою очередь, отмечается, что “А. Ваду удалось завоевать авторитет у большей части (которая, кстати, и была представлена противниками политики Диуфа. – *Т.Д.*) электората. Этому помогло и участие его в работе правительства в 1991–1992 и в 1995–1998 гг. ...”.

Автор правильно указывает на заметное влияние на политику и общество Сенегала исламских тарикатов и их лидеров – марабутов. В частности, “присутствие президента страны, других политических деятелей Сенегала на торжественных церемониях по случаю мусульманских праздников – не только дань уважения официальному ритуалу, но и доказательство влияния (не совсем понятно, почему присутствие доказывает наличие “влияния”. – *Т.Д.*) тарикатов на крестьянские массы”, но уже в следующей фразе логика окончательно нарушается: “Все это свидетельствует о том, что тарикаты проявляют активный интерес к политической жизни

страны". И лишь дальше: "В то же время поддержки марабутов ищут и сами политические организации, без нее они обречены на изоляцию" (с. 31). "Обреченность на изоляцию", как и "экономическая сила орденов", о которой автор говорит ниже, также нуждаются в расшифровке.

Только будучи хорошо осведомленным по поводу контактов между политиками и марабутами, читатель сможет понять смысл фразы: "Закономерным явлением стало то, что по мере приближения даты выборов президента отношения политических деятелей с религиозными лидерами становились все очевиднее, благодаря создаваемым союзам или, наоборот, размежеваниям" (с. 31). Интересно было бы узнать также, почему А. Вад стремился поддерживать "тесные отношения" прежде всего с тарикатом Муридией, хотя "сохранял связи" и с Тиджанийей; почему нынешний сенегальский президент М. Салль сначала выразил жестко негативное отношение к марабутам (даже "вызвавшее шок" у многих сенегальцев), но постепенно начал "смягчаться" (с. 33). К сожалению, в работе очень много недомолвок, в результате чего она воспринимается скорее как описательная (изложение событий в хронологическом порядке), нежели как аналитическая.

Недоумение вызывает и следующее высказывание Л. М. Садовской: "Несмотря на то, что Сенегал эпохи правления А. Вада считался демократическим государством, некоторые наблюдатели усматривали в стиле его руководства страной авторитарные методы, которые все чаще вызывали беспокойство у его оппонентов" (с. 39). Дальше автор приводит высказывания "некоторых наблюдателей" об этих самых "методах", но ни одного примера того, что Сенегал действительно считался кем-то "демократическим государством". Возможно, впрочем, кто-нибудь так и считал, указывая на проведение президентских и парламентских выборов. Но выборы проводились и самыми жестко авторитарными африканскими правителями: Масиасом Нгуэмой и Обиангом Нгуэмой Мбасого в Экваториальной Гвинее, Идрисом Деби в Чаде и др.

Или: "Новая конституция упразднила некоторые государственные структуры, якобы в целях углубления и совершенствования демократии, на деле же это повлекло за собой очередной рост бюрократии" (с. 41). Возникают, по крайней мере, два вопроса: каким образом упразднение государственных структур (правда, неизвестно каких) может способствовать "углублению и совершенствованию демократии" (которая, кстати, находится в столь зачаточном состоянии, что о ее "углублении" пока рано говорить) и каким образом указанное "упразднение" может повлечь за собой "очередной рост бюрократии".

Или: "Очевидно, что в логике действий президента прослеживается политический расчет" (с. 61). Интересно, а какой еще расчет должен прослеживаться в действиях президента?

Зачастую отдельные термины и понятия удивительным образом обретают в работе свойства одушевленных предметов: "Отказ оппозиции участвовать в выборах помог в дальнейшем действующей политической системе устранить мешающего ей председателя Национального собрания Макки Салля..." (с. 45) и др.

Во второй главе, посвященной "особенностям становления политической системы в Кот-д'Ивуаре", автор справедливо указывает на "персоналистскую природу власти", которая "является характерной чертой политической жизни едва ли не всех африканских стран...", при этом в Кот-д'Ивуаре единовластие лидера (имеется в виду Уфуэ-Буаьи. — *Т.Д.*) "достигло, пожалуй, высшей точки" (с. 81). Но и в главе о Кот-д'Ивуаре допущен ряд неточностей: рассказывая о политическом кризисе, охватившем страну в начале 2000-х гг., Л. М. Садовская пишет: "Возникший в стране конфликт приобретал все более выраженную этноконфессиональную окраску" (с. 95). Между тем "этничность" в Африке далеко не всегда накладывается на "религиозную принадлежность". Если этот феномен наблюдается в Кот-д'Ивуаре, ему следовало бы посвятить хотя бы один абзац.

Представляется сомнительным и утверждение автора (в разделе "Выводы (результаты сравнительного анализа)" о том, что "новые политические силы", т.е. партии и движения, образовавшиеся на Африканском континенте в конце XX в., "имели иные ценностные ориентации, другие экономические и политические взгляды, чем те, которых придерживалась правящая партия или правящий политический класс" (с. 140). Но на с. 62 Л. М. Садовская указывала, что "оппозиция в Сенегале не столько отмежевывается от политики, проводимой правящей партией и действующим президентом, сколько стремится предстать перед массами в качестве политической силы, способной осуществить ту же самую программу успешнее, чем это делает правящий режим". А уж если и были "иные ценностные ориентации", то почему бы не поведать читателю, какие именно?

Несмотря на многочисленные противоречия и неточности, книга Л. М. Садовской чрезвычайно ценна тем, что в ней, во-первых, содержится большой объем эмпирического материала и, во-вторых, она ставит огромное количество вопросов, на которые африканистам-политологам еще предстоит дать ответ.